

ДЕДУШКА И МАЯКОВСКИЙ

Готовлюсь к поездке в Екатеринбург на Царские дни – 100-летие подвига святых Царственных Страстотерпцев. Делюсь с друзьями чаяниями предстоящего паломничества. Все очень рады за меня. А один приятель хмурится. Чего, мол, тут воспарять?.. И пытается меня приземлить:

– Едешь на столетие расстрела? Знаешь ли, в нашей истории есть личности более достойные всенародного почитания, чем Николай II...

Только что не добавляет: «Кровавый!..»

Сдерживаю себя: не надо спорить. Как говорится, очи долу да скромненько мимо. А Сергей тактично выдерживает паузу и меняет тему. Она у него на поверхности: страна в это жаркое лето просто выкипает от страстей проходящего у нас мирового футбола.

– Как мы молились на Акинфеева, какие мячи он брал!.. – Сергей седлает своего конька и мчится по вехам чемпионата. – А серия пенальти с хорватами – это же лотерея!.. Эх, жаль, в ней мы проиграли!..

– Ну уж нет, Серега, сам выход нашей сборной в четвертьфинал – уже победа! – тут я могу спорить.

– Екатеринбург принял всего четыре матча, – констатирует Сергей. – У тебя там что, родственники?

– Да. В детстве жил недалеко от Екатеринбурга. Он тогда Свердловском назывался.

... Городок Горнозаводск, где протекало мое детство, – между Пермью и Свердловском. По ниточке памяти из тех лет сочится ощущение траура, связанное с кончиной моего деда. Траурное чувство хранят пихтовые веточки, на которые наступаешь, провояжая в последний путь дорогого, близкого человека. Как остр запах хвойного лапника, настоящий на жалости и печали! К нему примешивается сырость погребца...

Помню, сидит белобородый наш Степан Мироныч в исподнем, обложенный подушками, опершись о высокую грядущку кровати. По его просьбе я придвигаю к одру столик с круглым зеркалом. Несмотря на хворь, дедушка берет ножницы и сам подправляет бороду и усы, аккуратно остригает ногти на руках. Мне нравится смотреть, как играют, лучатся в его пальцах ножницы – никелированные, филигранные. У них над обоими кольцами устроено по овалу, а в каждом овале с обеих сторон – барельефы царя с надписью: Николай II. Есть у деда и другие вещицы с царскими профилями и вензелями. Он не проливал крови в Первую мировую, поскольку выполнял особое задание – в Вятке содержал конезавод и поставлял на фронт лошадей. О царе говорит: «Государь-мученик». И хранит его знаки...

Мы, братья и сестры мал-мала, вещи с царскими символами: ложки, подстаканники – ревностно оберегали. «Это – дедушкино!» – звучало непрекаемым табу...

Весенним вечером дедушка тихо засыпает. А ближе к утру слышим, как бабушка читает по нему заупокойную молитву... После похорон деда уже никто с нами не говорит ласково о царе.

Вступаем в пионеры, в новые интересы. Память притупляется. Меня записывают в школьный литературный кружок, в котором преуспеваю и на беду получаю в награду сборник Маяковского. О, эти разворачивающиеся в марше и сыплющиеся лесенкой стихотворные строки! Доводят они меня до сочинения собственной поэмы на тему революции и свержения царя.

Бычась и расставив ноги – под Маяковского, – читаю поэму со сцены:

– Царю – по шапке!

И с тихим звоном

Корона упала на пол ковровый!..

.....

Прости, Господи! Грешен и каюсь!

У ДОМА ИНЖЕНЕРА ИПАТЬЕВА

Чтение слушал сам директор Дома культуры Лев Иванович Бэр.

Его звучному имени соответствуют и прическа – артистичная грива, и аристократизм – как врожденный, так и закаленный в невзгодах. Я тогда еще не знал, что его взяли с первого курса МГУ, перед войной, когда немца можно было сажать и ссылать без всяких яких. Так что самообразованием он занимается уже в трудовом лагере под Казанью, потом – ссылка на Урал; он преподает в школе немецкий язык... К моменту назначения директором ДК в его семье уже четверо детей.

Его оценки строги, точны и не обидны, потому что юмор, с каким оглашается вердикт, мягок. Лев Иванович чтение мое похвалил:

– Есть жилка, есть. И вот что... В нашем детском драмтеатре мы собираемся поставить «Зайку-зазнайку» Сергея Михалкова. Попробуем тебя в главной роли. Не против?

Да, не каждому мальчишке и девчонке везет под влияние столь замечательных людей, как Лев Иванович и его супруга Тамара Константиновна Аркадова, заведовавшая в ДК детским сектором. Сколько доброй энергии, любви, терпения и такта прилагают они к тому, чтобы здесь, в краю гулаговских зон и ссылок, вырастить из детишек – нет, не обязательно служителей эстрады и театра (хотя потом многие доросли в этом смысле и до профессионалов), – они все прилагали, чтобы получились из нас люди, исповедующие добро и любовь.

Они устраивали для нас походы и поездки с самодеятельными концертами в колхозы и лесопункты, экскурсии в Чусовой, Пермь и Свердловск. Были порой экскурсии и весьма неожиданные... Вот Лев Иванович предлагает дать концерт в лагере... отнюдь не пионерском, а известном ныне как музей ГУЛАГа, – в «Створе». Лишь спустя годы мы узнаем, что тогда в нем в большинстве содержались политзаключенные... Почти непроходимая дорога, тряска в автобусе такая, что девочек, бережно везших на концерт пачки для балетной сюиты, мutilo... И за периметром зоны нас могло невесть что ожидать... Но Лев Бэр знал наверняка, что не во вред нам отстывает от привычных методов воспитания!..

... Взять поездку в Свердловск.

В городе как раз гастролирует цирк Игоря Кио, в его программе выступление Сандро Дадеша. Сандро человек как человек, только рожден без рук и потому все делает ногами. Вручает даме розы, держа букет между большим и «указательным» пальцами правой ноги... На арене устанавливают мишень, на которой «яблочко» – горящая свеча. Под барабанную дробь Сандро, сев на стул и зажав приклад винтовки ногами, прицеливается... Выстрел – и гаснет свеча!

Программа экскурсии у нас как бы не совсем детская. На знаменитом «Уралмаше» вместе с директором завода проходим все цеха, особенно поражены громадностью шагающего экскаватора. Посещаем Свердловскую киностудию. В театре смотрим «Дни Турбиных» (в роли Лариосика наш любимец по фильму «Человек-амфибия» Владимир Корнев) ...

В завершение обмениваемся опытом с местными юными ленинцами, после чего Лев Иванович показывает мне с крыльца Дома пионеров:

– Видишь дом на углу? Это тот самый особняк инженера Ипатьева, где расстреляли царя Николая II с императрицей и их пятью детьми. – Лев Иванович на некоторое время умолкает и, отвернувшись в сторону, продолжает: – С той стороны полуподвал, в нем теперь склад. Вот там... Старшей дочери было двадцать два, самому младшему, наследнику Алексею, должно было исполниться четырнадцать...

Он не все сказал... Чувствовалась в его интонации какая-то недоговоренность.

Тогда еще не была издана книга советского историка Марка Касвинова «Двадцать три ступени вниз» о расстреле в Ипатьевском доме в ночь на 17 июля 1918 года и о том, что предшествовало трагедии. «Исследование» Касвинова всего лишь перепевает вышедшие за границу книги следователя по особо важным делам Николая Соколова и белого генерала Михаила Дитерихса об убийстве царской семьи. Касвинов берет факт или цитату из зарубежного источника, а за привычками трактует так, как требовали тогда заказчики-идеологи: «царь слаб», «страна отсталая», «народ восстал против нищеты и закабаления».

Свердловск все еще оставался промышленным центром, закрытым для посещения иностранцами. Не было пока и острой необходимости дом Ипатьева разбивать шар-бабой, сравнивать с землей. В партерхиве находились подробные воспоминания палачей

царской семьи. Но спецхран есть спецхран, он доступен был лишь коммунистам высокого ранга, истина из него в мир не просачивалась. В Ипатьевском доме в разное время размещались музей революции, различные советские конторы, архивные склады, нет-нет, да приходили к этим дверям и окнам граждане. У входа в полуподвал оставляли зажженные поминальные свечи...

Вот о чем не договаривает Лев Иванович, что заставляет нас задать вопрос учительнице на уроке истории:

– Детей-то за что?!

Историчка возмущается:

– Вы не понимаете?! Это продиктовано революционной целесообразностью. Представляете, какая головная боль начнется в стране, объявившись где-то на следный царевич или царевна!

Сказано тоном, не допускающим возражений. Между тем учительница наша вроде нормальный человек, мать семейства. И остается ощущение, что сама в своих словах не уверена...

...Кажется, я все стою и стою в тени деревьев перед арочным входом в цокольный этаж дома Ипатьева, и из затемненного подвального окна той самой комнаты веет холодом и возвратившимся ко мне ощущением траура...

Святые Царственные Страстотерпцы император Николай, императрица Александра, цесаревич Алексей, великие княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, молитесь Бога о нас!

СНОВА НА УЛИЦЕ СВЕРДЛОВА

И вот я в Екатеринбурге в Царские дни-2018. Прежде чем выйти из здания вокзала в город, поднимаюсь на третий этаж, в привокзальный храм-часовню святителя Николая Чудотворца. Нынче при многих вокзалах устроены такие церкви, и чаще – имени святого Николая, покровителя путешественников. В часовенке установлено распятие. У икон Троицы, Господа Вседержителя, Богородицы горят лампы. Зовет приложиться и главная икона Царских дней ...

– Святые Царственные Страстотерпцы, молитесь Бога о нас!

От вокзала к центру пролегает одна из уважаемых улиц Екатеринбурга. Город прославлен не

только заводчиками, золотоискателями, металлургами, рудознатцами, но и купцами. Эта улица – сплошной пушторг. Шубы, тулупы, дубленки, меховые пальто, манто, куртки, обувь из кожи и меха... Десятки просторных салонов-магазинов, дорогие бутики носят экзотические названия («Барс», «Ягуар» и т. д.). А сам проспект носит имя Якова Свердлова.

Кто в Екатеринбурге впервые, удивляются:

– Как?! Улица, ведущая к месту расстрела царской семьи, носит имя вдохновителя царевны?! Куда смотрит комиссия по городской топонимике?!

Все не так просто. Возникают встречные вопросы: а где тот суд, способный принять решение и выдать топонимам бумагу, что имярек преступник? А есть ли в гражданском обществе силы, способные организовать референдум по переименованию улицы?

Например, мы, кубанцы, хорошо помним свою попытку с помощью референдума вернуть Краснодару историческое название Екатеринодар. Что-то не проявили особого рвения краснодарцы к объявленному плебисциту. В Свердловске поступили по-другому. В «контрреволюционном» 1991 году имя Екатеринбург вернули очень просто: решением собравшейся сессии горсовета.

Однако время крутых решений прошло, сегодня ни шатко ни валко «идет демократический процесс переосмысления и взвешенного отношения к истории». «Процесс идет», и я вышагиваю просторной улицей Свердлова, дивясь ее новинкам. В ее окончании возник шедевр малой архитектуры – мастерски отлитый из бронзы слепок целого городского квартала со старинной обширной усадьбой (ныне в ней Дворец творчества детей и молодежи), садом, церковью с колокольней и площадью, какими они были в 1936 году.

Само по себе это интересно: смотришь на бронзовую «фотографию» и сличаешь с нынешним натуральным городским ландшафтом. Но почему на бронзовом макете-карте нет дома Ипатьева, ведь в 1936-м он стоял целехонек? Макет обрезан как раз по черте фасада дома... Квартал этот издавна называется Вознесенская горка по имени возвышающейся над ним церкви Вознесения Господня. Колокола этой церкви слушала царская семья. Но видеть ее купола из окон Ипатьевского дома августейшие особы не могли, так как особняк на два с половиной месяца их заточения в нем стал «домом особого назначения».

По фасаду его обшили двойной дощатой стеной. К тому же тюремщики и стекла известью замазали. Царь записал в дневнике: «При звуках колоколов грустно становится при мысли, что теперь Страстная, и мы лишены возможности быть на этих чудных службах». Эта запись государя, как и многие другие (точные и лаконичные), – свидетельство духовного равновесия православного христианина, уже глубоко осознавшего: перед ним Голгофа.

Когда-то, изучив документы и свидетельства того времени, уверен, все мы увидим полную картину трагедии. Увидит ее и мой знакомец Серега, футбольный «страстотерпец», повторяющий досужие мнения: «царь был слаб», «страна отсталая», «народ восстал против нищеты и закабаления» и т. д. Поймет, что Царственные Мученики не просто были здесь расстреляны. Они совершили подвиг восхождения на свою Голгофу. Все, что мыслили, что оставили в дневниковых записях, что сказали палачам в последние мгновения, – это Русская православная церковь с помощью достоверных доказательств именует подвигом. Она видит в своих мучениках «людей, искренне стремившихся воплотить в своей жизни заповеди Евангелия. В страданиях, перенесенных царской семьей в заточении с кротостью, терпением и смирением, в их мученической кончине был явлен побеждающий зло свет Христовой веры, подобно тому, как он воссиял в жизни и смерти миллионов православных христиан, претерпевших гонение за Христа в XX веке» Так сказано в «Основании для канонизации царской семьи» – докладе митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, утвержденном Священным Синодом.

И самое красноречивое признание подвига августейших – это то, что на Царские дни-2018 в Екатеринбурге устремляются десятки и десятки тысяч паломников со всего православного мира, готовых вместе с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом в сотую годовщину трагической ночи с 16 на 17 июля отстоять Божественную литургию. И в 2 часа 30 минут – время кровавой развязки – вместе с Предстоятелем РПЦ пройти крестный ход в 21 километр к месту захоронения Царственных Страстотерпцев.

15 июля. Еще нигде не разместившись, стою с рюкзаком за плечами под куполами храма, у памятника. Семь фигур скульптурной группы расположены на лестнице, ведущей в полуподвал... О памят-

нике спорят, многие его не принимают. Но дело не в этом. Главное, ты находишься в том же самом, вовсе не виртуальном пространстве, где стоял в детстве, – на месте подвига царской семьи.

– Что, насчитали лишние ступени? – вопрос ироничный, но вполне доброжелательный для тех, кто в курсе казуса с числом ступеней памятника. Обращается ко мне с этим вопросом интеллигентный человек в очках, худощавый, седоватый...

– Да, – продолжает он, – Касвинов в своей книге количество лет правления Николая II – двадцать три года – приравнял к такому же количеству ступеней в Ипатьевском доме. Но доказано – ступеней было девятнадцать! А он своей выдумкой хотел сказать, что все 23 года правления царя Романова Россия катилась вниз... На самом деле по темпам роста производства Россия тогда занимала первое место в мире! И пятое – по росту экономики.

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НОЧЬ

Знакомимся. Сергей Петрович из Перми, бывший военный. Не первый раз участвует в Царских днях. В прошлом году прошел Крестным ходом до Ганиной Ямы к монастырю имени Царственных Страстотерпцев. Нынче, на столетие, – и сам Бог велел. Сергей Петрович предлагает мне устроиться в палаточном лагере, который для паломников неподалеку, в парковой зоне, разбили МЧС-ники.

По пути перекидываемся мнением на злобу дня: как следует оценивать почившую советскую власть? Сергей Петрович считает: неоднозначно. За время ее существования были достижения и победы, которыми мы вправе гордиться. Их не отнимешь. Но изначально власть эта явилась из противоречия: кто-то стремился сплотить народ в борьбе с внешним врагом, а иные добивались перерастания мировой войны в гражданскую. Желание последних сбылось: брат пошел на брата, сын – на отца. А пятая заповедь Господня гласит: «Чти отца твоего, и мать твою, и да долголетен будешь на земле». Откуда же «долголетен», если идешь против отца! Большевики из Священного писания взяли в моральный кодекс строителя коммунизма лишь некую часть. А главное – веру в Бога – отвергли. Вот все и рухнуло в одночасье.

Но отношение власти к верующим изменилось. И на месте расстрела царской семьи, а затем и разрушенного Ипатьевского дома появился сначала деревянный Поклонный крест, потом он был заменен на металлический. От него прошел первый Крестный ход к месту захоронения мучеников, это было в 1992 году. После того, как в августе 2000 года Русская православная церковь причислила царскую семью к лику святых, число крестоходцев стало расти: в 2002 году их было около 4 тысяч, а в прошлом году – более 60 тысяч человек...

Палаточный лагерь. Во второй половине дня он наводнен юными созданиями в малиновых майках с эмблемами «Православное молодежное движение», с надписями на спине «Волонтер. Царские дни». Парни и девушки помогают паломникам сориентироваться на новом месте, дают разъяснения по крестному ходу, подсказывают телефоны экстренных служб, места, где можно найти воду, перекусить... Такое впечатление, что все они в глубоком поиске: эй, кому услугу оказать? И оказывать ее, видно по всему, им нравится. У паломников взаимное желание – пообщаться с верующей молодежью, с единомышленниками.

Вечером в палатке с Сергеем Петровичем с помощью телефонных фонариков вычитываем вечернее правило и каноны к причащению. Вскоре вроде и в сон тянет... Но кто-то снаружи всовывает в палатку голову, вглядывается, нет ли своих, и, не найдя, ретируется; а ты вставай, закрывай полог, иначе комарье налетит... За полночь мне становится понятно – да, тут не Кубань, летней куртки недостаточно, чтобы укрыться и согреться.

Выбираюсь из палатки в светлую уральскую ночь. В некотором отдалении, на освещенной парковыми фонарями лужайке, двое собеседников. И еще один человек – монах в подряснике с седой бородищей – ходит туда-сюда под фонарями, а в вытянутой руке – молитвослов. Ни дать ни взять, пустынный с нестеровского полотна. На парковой лавочке молодой человек в скуфейке горячо говорит еще одному бессоннику:

– Поверьте, я чуть не с первых Царских дней приезжаю сюда из Твери, не пропускаю ни одной службы и Крестного хода. У России будет царь, из Романовых, по материнской линии. Он явится во время войны, проявит себя талантливым военачальником и будет избран на царство Поместным Собором.

Его собеседник сидит в инвалидном кресле-коляске. Колоритная фигура, на груди, как у всех паломников, – икона Царственных Страстотерпцев. Просто невозможно не приобщиться к их дискуссии.

Знакомлюсь. Человек в коляске – Виктор Викторович. Он из Тюмени, собирает пожертвования в фонд общества «Двуглавый орел». Подходит и монах Валерий, слушает с интересом. Он в Екатеринбург прибыл из монастыря в Ивановской области. Соглашается с «философом и провидцем» Михаилом из Твери:

– Да, так или иначе – все это произойдет. Тут не обязательно быть прозорливым, просто читайте святоотеческие книги. Те же «Пророчества отца Иоанна о судьбах России и русских людей». Когда в начале XX века святой Иоанн Кронштадтский в своей проповеди прокричал, что над Уралом стоит черный крест, он провидел именно трагическую судьбу Дома Романовых. Так и получилось. Большевики одного за другим собирали по России и вывозили именно сюда, на Урал, всех членов Дома Романовых и методически их казнили в Перми, в Екатеринбурге, в Алапаевске. Бог попустил это испытание русскому народу за то, что очень многие нарушили вековую клятву. «Заповедано, что избранник Божий, Царь Михаил Федорович Романов, был родоначальником правителей на Руси из рода в род с ответственностью в своих делах перед Единым Небесным Царем, а кто же пойдет против сего Соборного постановления: да проклянется таковой в сем веке и будущем, отлучен бо он будет от Святой Троице» – это из постановления Великого Московского Собора 1613 года... Небу известно, что и как будет, – заключает монашествующий Валерий.

Круг участников ночного бдения расширяется. В нем появляется и пермяк Сергей Петрович, не желавший остаться в палатке, несмотря на то что запасся теплым спальником.

– Грех, – говорит, – спать перед столь знаменательным днем.

Всем хочется поделиться своими переживаниями.

– Не скажешь ведь батюшке – за народ мол, российский каюсь. Нет, каждый все знает о себе. Когда таким образом очистимся, и царь явится.

И нет конца беседе. Я слышу убежденные речи о том, как регулярно выезжал царь Николай в Ставку, поддерживая моральный дух в войсках. Об императрице, которая вместе со старшими великими

Княжнами Ольгой и Татьяной, пройдя курсы сестер милосердия, по несколько часов в день ухаживала за ранеными в Царскосельском лазарете. О верных слугах, не предавших Государа и принявших вместе с ним мученический венец. О том, что акт об отречении был принят Императором Николаем II под давлением резко изменявшихся политических обстоятельств и в чрезвычайно короткий срок. Неслучайно же при обсуждении в июле 1918 года на Соборном Совете Поместного Собора вопроса о заупокойном поминовении убиенного Государа Святейший Патриарх Тихон принял решение о повсеместном служении панихид с поминовением Николая II как императора...

Звучат и восходят речи паломников к светлеющему небу вперемежку с молитвами. Вот и солнце восходит.

«ЭТО ЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ КАЖДОГО»

16 июля. Престол и семисвечник на нем, святое место с большой иконой Господа Иисуса Христа, икона Царственных Страстотерпцев пред алтарем, еще икона Царя-мученика с клеймами Царицы и Детей – все это размещено на огромном помосте, сооруженном перед храмом На крови к Царским дням. Эта распахнутость делает утреннюю службу похожей на пасхальную, когда царские врата не закрываются.

После Божественной литургии – малый Крестный ход. Его маршрут – Екатеринбургский путь скорби. Этой дорогой Царская Семья была доставлена в Ипатьевский дом со старого вокзала.

На Царской площади еще не тесно. Паломники продолжают прибывать в Екатеринбург, к храму На крови, в палаточный городок... Главная, Патриаршая, служба начнется ночью.

В первой половине дня в программе есть окошко и для встреч, знакомств, обмена опытом, пресс-конференций. И место для этого – все пространство прилегающего к храму парка, набережная городского пруда, палаточный лагерь... Они собираются кучками – брянские, воронежские, курские. Казаки с Дона, Кубани, Ставрополя. Москвичи, питерцы, самарцы, северяне, уральцы, сибиряки, дальневосточники...

Сребробородый казак из Тюмени в строгом белом кителе, переспрашивает:

– Почему вы говорите: «Царь вернется»? Он у России есть.

– Кто же?

– Николай Романов.

– Так он же умер.

– Почему «умер»? У Бога все живы. Все же знают, что святитель Николай Мирликийский не умер... Все считают его живым, он всем помогает. И святой император Николай II продолжает помогать. Так что есть у нас царь. Дело в вере.

– Царь-то есть. Народа, которому он нужен, пока что нету...

...Стоим малую вечерню с акафистом Царственным Страстотерпцам.

Акафист – «песнь, которую поют, не садясь, стоя» – особая хвалебно-благодарственная молитва в прославление святых. В четыре часа пополудни площадь Царская перед храмом На крови запружена паломниками и местными прихожанами, течет песнопение к Богу:

– ...Воздвиги в стране Российской род царей благочестивых и избра ты, царю Николае, со семейством твоим в жертву живую, всеусердную и благоприятную Богу. Мы же, дивящиеся таковому о вас Божию смотрению, во умилении сердец зовем вам:

...Радуйтесь, святити Царственнии Страстотерпцы, за Землю Русскую пред Богом молитвенницы и преславнии чудотворцы!..

После акафиста в одной из длинных очередей на исповедь дочитываю «Последование ко причастию».

И вот уже Царская площадь, широко опоясывающая храм На крови, тесно запружена народом. Здесь собрались паломники не только со всей России, из Украины, Белоруссии, Сербии, Казахстана, Прибалтики, но и дальнего зарубежья – США, Австралии, Сингапура, Великобритании, Германии и других стран... Вот у солеи, справа от вынесенного на помост перед храмом алтаря, появляются почетные гости: представители Дома Романовых за рубежом, руководители области и Федерального округа. Перед ночной Патриаршей Божественной литургией толпы еще в движении... Почему так открыто плачут русские, слушая песню сербов о России?..

Литургия начинается. Перед Причащением проповедь произносит Патриарх. Она большая, в кон-

це в ней сказано и об историческом уроке, который всем нам сегодня надо хорошенько выучить:

– Мы должны помнить трагедию прошлого. У нас должен развиваться иммунитет к любым призывам добиться человеческого счастья через разрушение того, что есть. Едва ли кто-нибудь из тех, кто призывал разрушить народную жизнь, разрушал свою собственную жизнь, отказывался от собственного благополучия. Но с какой же яростью это предлагалось делать всему народу! И люди усвоили эту ложь, и венцом отступления от самого священного и дорогого, что у них было, явилась страшная казнь царской семьи, людей невиновных, не нарушивших закон. Да и о каком законе могла идти речь, если для построения счастливой жизни надо было убить царя и всю его семью? Мы должны сформировать устойчивое неприятие к любым идеям, которые предлагают через слом нашей народной жизни, наших традиций и нашей веры устремляться в некое неизвестное «счастливое будущее».

БЛАГОДАТЬ

За Божественной литургией из ста вынесенных к причастникам чаш причащаются порядка 15 000 человек.

Наступает 17 июля. В 2.30 Патриарх Кирилл вслед за священством, облаченным в красное, выходит из алтаря. Под крестами, хоругвями иконами царственных мучеников он занимает место, но мы не можем знать где, потому что, выстраиваясь для шествия, крестоходцы не сразу соображают, где сами оказываются – в голове, в середине или хвосте... Живая людская масса, обтекая все и вся на пути, главным проспектом города устремляется к северо-восточной его окраине, к урочищу, к Поклонному кресту у шахты № 7...

Крестный ход – продолжение молитвенного стояния, особый вид богослужения. Важно держать темп. Его диктует Иисусова молитва. Вот впереди тебя зычный мужской голос начинает: «Господи!..»

Паломники-мужчины подхватывают молитву. Затем ее повторяют женские голоса. И так молитва протягивается по всей многокилометровой колонне...

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!..

...За городской чертой меж стройных берез и

елей вовсю сияет восходящее солнце. Хотя до монастыря лесная дорога делает еще не один поворот... Монастырь святых Царственных Страстотерпцев на Ганиной Яме расположен на огромной лесной поляне. Она густо заполняется толпами паломников. А новые группы все подходят и подходят. Паломники усталые, но с просветленными лицами. В главную обитель направляется только что прибывший Патриарх. Совершается молебен святым Царственным Страстотерпцам.

Ощущение легкости, несмотря на то что почти двое суток на ногах. Невесомость и зыбкость окружающего мира, но при этом четкое осознание: в тебе достаточно сил, чтобы внимать всему, что происходит здесь, у Поклонного креста. И от сруба шахты № 7, рядом с монастырской обителью, не веет тлетворным холодом, который до дрожи пробирал тебя когда-то у входа в полуподвал Ипатьевского дома...

Постоять молча, присоединиться к общей трапезе (горячие каша, чай, хлеб в пластиковой посуде). Затем автобусом добраться до районного Среднеуральска, пересесть на городской... Кондуктор – что родная сестра, попутчики удивительно словоохотливы. Рядом в автобусе молодой человек, тоже прошедший Крестным ходом до Ганиной Ямы, то странно делится впечатлениями, то вдруг впадает в глубокое молчание....

Мы прошли Крестным путем...■